

Доктор Роджер Грин, Реформация в настоящее время, Лекция 27, Современные теологии

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия 27 по современным теологиям.

Ну, это 9 декабря. Мы не были вместе 8 декабря. 8 декабря 1854 года, 8 декабря 1854 года Римско-католическая церковь сделала очень важное заявление.

И что это было бы? 1854 год. Это было учение о Непорочном Зачатии Марии, которое было провозглашено 8 декабря 1854 года. Так вот, вчера была годовщина этого дня.

Но вот мы 9 декабря. Это не кажется возможным. Ладно, помолимся, а потом начнем.

Наш милостивый Небесный Отец, мы останавливаемся и оглядываемся на этот курс с благодарностью. Мы благодарим Тебя за возможности, когда мы могли учить друг друга и учиться друг у друга. Мы благодарим Тебя за то, что Ты помог нам увидеть широкий взгляд на развитие христианской мысли от Реформации до наших дней.

Мы благодарим вас за помощь и содействие нам в этом и помощь нам в формировании нашего собственного мышления и нашей собственной теологии относительно того, что мы понимаем как истину в контексте сообщества, к которому мы принадлежим, в контексте церкви. И поэтому мы благодарны за это. Мы благодарим вас, студенты, и мы молимся за ваше вмешательство в их жизнь.

Через несколько дней, чтобы сдать выпускные экзамены и закончить работы, возможно, у них есть дискуссионные группы или презентации, которые нужно сделать. Мы молимся, чтобы вы дали им дополнительную силу сердца и ума, тела и духа, чтобы выполнить работу, которая должна быть сделана для завершения курса, и пусть он будет завершен хорошо, так, чтобы это принесло честь вам и нам. Поэтому с благодарением в наших сердцах за этот день и за предстоящую неделю и за всю работу, которую нужно сделать, мы молимся, чтобы мы могли сделать это как для вас, и мы молимся об этом с радостью во имя Христа, нашего Господа. Аминь.

О, и, кстати, впервые колледж Гордона будет проводить оценку курса в

электронном виде, поэтому не будет письменной оценки курса, так что вы увидите уведомления об этом. Я не знаю, как они будут поступать правильно. Уведомления будут приходить прямо к вам, ребята, а затем как их заполнять и все такое. Итак, я на 15-й странице программы, и вот настало время искреннего признания.

Я быстро перешел от Е к F, не делая E3, природу христианской теологии сегодня, и я перешел прямо к тому, что мы собирались сделать в прошлый раз для лекций. Я перешел прямо к F; христианство рассматривает себя в других религиях. Так что я собираюсь закончить F, а затем я собираюсь вернуться, и, может быть, это хороший способ в любом случае закончить курс, природу христианской теологии сегодня, где мы сегодня? Однако христианство рассматривает себя в других религиях. Я хочу сделать здесь всего две вещи быстро.

Номер один, диалог протестантизма и римского католицизма, и мы уже упоминали исторические отношения католиков и протестантов, когда они смотрят друг на друга, когда они начинают говорить друг с другом, и в этом мы упомянули проблемы, которые были у протестантов с католиками, у вас, вероятно, есть это в ваших заметках, не так ли? Затем мы также упомянули проблему, которую имеют католики с протестантами, и у вас, вероятно, есть это в ваших заметках, потому что я думаю, что на этом мы остановились в другой день, когда мы остановились. Так что, я думаю, что на этом мы и были. Но просто чтобы как бы повторить, потому что мы не были этим некоторое время, потому что мы были в наших дискуссионных группах и все такое, но были своего рода, когда католики и протестанты смотрели друг на друга, были вопросы, которые поднимались, например, каков авторитет писания по сравнению и противопоставлению авторитету традиции и писания для Римско-католической церкви? Каково место Марии в протестантизме по сравнению с местом Марии в Римско-католической церкви? Каково место Папы в протестантизме по сравнению с местом Папы, или каковы мысли Папы в протестантизме по сравнению с мыслями Папы в Римско-католической церкви? И так можно продолжать и продолжать, что насчет канона? Я имею в виду, как протестанты смотрят на канон? Как католики смотрят на канон? Можно продолжать и продолжать.

Итак, были такого рода разногласия между протестантами и католиками, с которыми им пришлось как бы смириться. Мы назвали это историческим отношением, которое развивалось на протяжении многих лет. Теперь перейдем к историческим изменениям и к тому, какие исторические изменения произошли.

Я собираюсь упомянуть четыре основных изменения, которые произошли в плане формирования диалога между Римско-католической и протестантской

церковью. Итак, первое, о чем вы уже знаете, — это II Ватиканский собор. II Ватиканский собор с 1962 по 1965 год, II Ватиканский собор радикально изменил Римско-католическую церковь.

И мы уже читали лекции о Ватикане II с Папой Иоанном XXIII. Рут и я были на замечательной лекции Джима Рудина в четверг вечером. И Джим Рудин рассказывал об иудаизме в кампусе.

Но он говорил о Ватикане II в ту ночь. Возник вопрос о Ватикане II. И он говорил о Ватикане II.

На самом деле, он упомянул то же самое, что я упомянул в лекции, что Папа Иоанн XXIII был сделан Папой, чтобы быть своего рода, как они называют, временным Папой. И Джим Рудин упомянул это. У нас нет настоящего Папы, поэтому мы поставим этого парня на должность, и он не будет делать многого.

А потом он умрет, и тогда у нас будет настоящий Папа. И он созвал Второй Ватиканский собор, и вся Римско-католическая церковь взорвалась. Так что Второй Ватиканский собор, безусловно, был исторической переменной.

Частью того, что сделал II Ватиканский собор, было сближение Римско-католической церкви с протестантизмом. Так что это было довольно примечательно. Так что это одно историческое изменение.

Второе историческое изменение, о котором мы только что много говорили в последние пару недель, это избрание Джона Ф. Кеннеди на пост президента. С точки зрения всемирного римского католицизма и того, как протестанты относились к римскому католицизму, его избрание первым президентом Соединенных Штатов от римской католической церкви значительно изменило ситуацию и в каком-то смысле открыло лучшее понимание того, что такое римский католицизм. Третье изменение — это то, что один человек назвал экуменизмом в окопах.

Итак, что такое экуменизм в окопах? Экуменизм в окопах — это поиск общих моральных и этических ценностей. Нет сомнений, что одно из открытий, которое протестанты сделали с католиками, заключается в том, что у нас много общего в моральном и этическом плане с католиками. И что экуменизм в окопах — это то, что католики, протестанты и православные во многих случаях смогли как бы объединиться, оказать взаимную поддержку в моральных и этических вопросах.

Так, например, такие вопросы, как ценность брака и семьи, католики, протестанты и православные разделяют многие ценности в плане ценностей брака и семьи. Это своего рода экуменизм в окопах по этому вопросу.

Ценности брака и семьи сегодня подвергаются серьезной атаке, в определенном смысле, из самых разных мест. Однако римские католики, протестанты и православные имеют схожие убеждения и понимание. Аборт.

Римско-католики и протестанты имеют схожие взгляды на аборты. Не всегда одинаковые. Они не всегда на одной странице.

Но у них схожие взгляды на аборты. И это экуменизм в окопах. Отказ от порнографии, отказ от секс-торговли, трафика и т. д.

Такого рода вопросы, римские католики, протестанты и, конечно, православные, также имеют удивительно схожие взгляды и моральные ценности по таким вопросам. Так что экуменизм в окопах будет номером три. У них есть исторические изменения.

Номер четыре — это довольно интересная вещь. И это движение. Я все еще в замешательстве по этому поводу.

Я до сих пор не разобрался во всем этом. Но номер четыре — многие евангелисты переходят в римско-католическую церковь и восточное православие. Почему евангелисты, выросшие в евангелических церквях, переходят? Что вызывает эти перемены в их жизни и заставляет их переходить? Один из наших выпускников и профессоров, который преподает в Нотр-Дам, Кристиан Смит, только что стал католиком.

Итак, это интересное изменение в его жизни. Я имею в виду, что его не наняли в Нотр-Дам. Его наняли как протестанта в Нотр-Дам, но он просто стал католиком.

Итак, у него было интересное паломничество. Мне кажется, что многих евангелистов привлекает традиция Римско-католической церкви или Восточной православной церкви. Их привлекает опыт поклонения Римско-католической церкви или Восточной православной церкви.

Итак, традиция церкви, давняя традиция, чувство, что церковь связана с этими 2000 годами церковной истории, что не всегда можно найти в протестантских церквях, а также чувство некой драмы поклонения, которое можно найти в Римско-католической церкви или Восточной православной церкви, что не всегда можно найти в протестантских церквях, мне кажется, что именно это привлекает их в Римско-католическую церковь и Восточную православную церковь. Но здесь происходит что-то важное, в этом нет никаких сомнений. Так что примерно каждые три года я провожу семинар для выпускников по протестантско-католическому православию и сравнительному христианству.

И мы ездим на экскурсии. Одна из экскурсий, которую мы совершаем, — в греческую православную церковь. И какой сюрприз! Мы зашли в церковь и встретили много бывших жителей Гордона, выпускников колледжа Гордона, которые стали православными и ходили в эту церковь.

И я этого не осознавал. Я не осознавал, что было много людей, связанных с Гордоном, которые ходили в Восточную Православную Церковь. И поэтому я всегда спрашивал их, какая у вас история здесь? Почему вы перешли из евангелизма в Восточную Православную Церковь? Но это интересная история.

Так что, конечно, в западном мире есть люди, переходящие в восточно-православный католицизм. И есть евангелисты, которые тоже это делают. А вот в Южной Америке немного другая история.

Потому что в Южной Америке все наоборот. Множество римских католиков переходят в евангелизм сотнями тысяч, буквально, и особенно в пятидесятничество. Так что в южном полушарии все работает с точностью до наоборот.

Вопрос в том, что привлекает их в евангелизме и пятидесятничестве? Очевидно, некоторые из них в Южной Америке видят своего рода живость духа, движение Бога в этих пятидесятнических церквях или других протестантских церквях, которое они не видели в своих традиционных церквях. Но, без сомнения, мальчик, есть движение в обоих направлениях между евангелизмом и римским католицизмом, а также немного и восточными православиями. Так что теперь природа меняется исторически.

Я просто хочу упомянуть природу диалогов и затем продолжающиеся соглашения или разногласия, но природу диалога. Интересно, что римские католики открыли диалоги со всеми видами групп. Вы будете удивлены природой диалогов римских католиков.

Хорошо, например, вас не удивляет, что католики и англикане ведут диалог друг с другом, потому что у англиканцев много общего с римским католицизмом. И есть некоторые англикане, которые почти римские католики. Мы говорили об Оксфордском движении, так что вы знаете об этом.

И сегодня, конечно, есть Оксфордское движение. Так что вас это не удивляет. Но что может вас удивить, так это то, что католики и лютеране находятся в диалоге друг с другом, что является очень интересным историческим явлением, потому что Мартин Лютер был отлучен от Римско-католической церкви.

Он сказал несколько вещей о Римско-католической церкви, которые не всегда были лестными. Но католики и лютеране находятся в диалоге, что интересно. На

самом деле, один из вопросов Джиму Рудину в тот вечер был о еврейской общине в разговоре с лютеранами, что интересно, потому что Лютер также сказал несколько довольно резких вещей о еврейской общине.

Итак, я подумал, что это интересная вещь. И вы можете упомянуть все виды групп. Но я упомяну еще одну вещь, которая может вас удивить: римские католики и адвентисты седьмого дня долго дискутировали друг с другом.

И вы бы не подумали, что у них так уж много общего. Адвентисты седьмого дня — довольно сильная и растущая протестантская конфессия. Сейчас их около 25 миллионов по всему миру.

Итак, они сейчас довольно сильная конфессия. Но вы бы не подумали, что у них много общего. Но даже адвентисты седьмого дня и римские католики ведут диалог.

Итак, характер диалогов интересен с точки зрения широты диалогов между протестантами и католиками. Все, начиная с англикан, о которых вы думаете, да, это звучит правильно. Но затем вы переходите к лютеранам.

И тогда вы даже доберетесь до адвентистов седьмого дня, которые ведут диалог. Хорошо, продолжающиеся соглашения и разногласия номер D. И позвольте мне упомянуть их. У меня здесь четыре или пять, которые продолжаются.

Это продолжающиеся разговоры, я думаю, можно сказать. Это как в тот четверг вечером. Это как Джим Рудин в роли еврея и Марв Уилсон в роли евангелиста, которые разговаривают друг с другом.

Они могут договориться о некоторых вещах. Но есть некоторые вещи, где, как сказал Марв, есть некоторые вещи, в которых мы находимся в тупике. И обсуждение продолжается.

Ну, это касается и протестантов, и католиков. Итак, позвольте мне назвать пятерых. Номер один, конечно, Мария.

Я говорил в курсе. Я все еще говорю, что католики слишком много сделали из Марии. Протестанты слишком мало сделали из Марии.

Мы отступили от проповедей о Марии и обучения о Марии из-за страха перед взглядом Римско-католической церкви на Марию, я думаю. Но мы сделали слишком мало Марии в протестантской церкви. Она — мать нашего Господа.

И есть замечательные отрывки из Священного Писания о Марии и т. д. Это номер один. Номер два — это вопрос авторитета.

И этот вопрос авторитета, для протестантов Библия является авторитетным словом. Для католиков это Библия и традиция. Это не изменится.

Об этом можно много говорить, но это не изменится. Итак, номер три — это структура церкви. Римско-католическая церковь утверждает, что церковь устроена таким образом, потому что такова была структура ранней церкви, а Петр был первым папой.

Протестанты в это не верят. Протестанты говорят, что невозможно доказать существование какой-либо конкретной церковной структуры из Нового Завета. И, конечно, протестанты не принимают папство так, как это делает Римско-католическая церковь.

Итак, номер три. Номер четыре — это то, что я бы назвал основными практиками. Основные практики Римско-католической церкви и/или протестантской церкви.

Итак, основная практика в Римско-католической церкви — это безбрачие священства. Теперь, мы видели в курсе, как они позволяют англиканским священникам становиться римско-католическими священниками. У них есть жена и семья и так далее.

Итак, здесь есть некоторые разногласия. Но, конечно, безбрачие духовенства было бы базовой практикой, с которой было бы своего рода разногласие. Конечно, весь вопрос рукоположения женщин был бы проблемой.

В пятницу мы говорили в нашей дискуссионной группе о феминизме, вытекающем из книги Дональда Дейтона. Но вся тема рукоположения женщин была бы интересной дискуссией, потому что некоторые протестантские конфессии рукополагают женщин. Некоторые — нет.

Римско-католическая церковь не посвящает женщин в духовный сан. Так что это было бы базовой практикой. Это было бы своего рода обсуждением этого.

В этом нет сомнений. Последнее разногласие будет по поводу таинств, по поводу количества таинств, потому что большинство протестантов верят, что таинств два. Римско-католическая церковь верят, что их семь.

И также о природе таинств. Мы уже говорили о природе таинств еще со времен Реформации. Итак, количество и природа таинств всегда будут предметом спора, хотя это всегда можно обсудить.

Итак, никаких сомнений. Хорошо, Римско-католическая церковь и протестантизм и дискуссии. Теперь позвольте мне остановиться на минутку.

Затем мы перейдем ко второму пункту, который представляет собой три подхода к другим мировым религиям, выходящим за рамки христианства. Но есть ли какие-либо вопросы по поводу такого рода диалога между протестантами и католиками? И почему евангелисты в таком большом количестве переходят в римский католицизм и восточное православие? Да. Вы сказали, что все эти пять? Я бы, наверное, использовал утверждение Марва, которое он использовал в четверг вечером, когда говорил об иудаизме.

Есть некоторые вопросы, которые тупиковые. Я думаю, что у нас всегда будет тупик. Мы могли бы сблизиться.

Конечно, когда я общаюсь с католиками, у меня есть преимущество, поскольку моя докторская степень получена в католическом учебном заведении Boston College. Так что в Boston College было много католиков. Многие мои учителя были католиками.

Так, например, в Марии я могу немного приблизиться к римским католикам, заявив, что вы, люди, слишком много сделали из Марии, но мы сделали из Марии слишком мало. Нам действительно нужно отнестись к Марии гораздо серьезнее, чем мы это делаем. И, вероятно, прошло много времени с тех пор, как кто-либо из вас слышал проповедь о Марии, за исключением, может быть, этого времени года.

Но другие вопросы, такие как папство, я имею в виду, да. Так что есть некоторые вопросы, где вы можете, я думаю, немного сблизиться. Другие вопросы, такие как папство, я не вижу, как вы могли бы.

Мы просто не согласны, что Петр был первым. Так что, это зависит, я полагаю, от вопроса. Но разговор, как Марв с евреями, разговор должен продолжаться, я думаю, в любом случае, между католиками и протестантами.

Это было проблемой для колледжа Гордон. Это был интересный вопрос среди преподавателей в течение многих лет, может ли католик преподавать в колледже Гордон в качестве штатного профессора. Теперь католики могут преподавать здесь в качестве адъюнктов, или они могут приезжать как приглашенные ученые или что-то в этом роде.

Однако могут ли они преподавать как штатные профессора? И мой ответ на это всегда был: нет, они не могут преподавать как штатные профессора. Причина этого в нашем доктринальном заявлении, которое мы все подписываем каждый

год, и все преподаватели подписывают каждый год, когда мы подписываем наши контракты. Поэтому штатные профессора должны подписывать контракт.

И первым догматом веры для нас является авторитет писания. Поэтому я всегда говорю, что единственный католик, которого вы хотели бы видеть преподавателем в колледже Гордона, это серьезный католик. Вы бы не хотели, чтобы сюда пришел католик, который не очень-то верит.

Вам нужен серьезный католик. Серьезный католик не сможет подписать наше доктринальное заявление, потому что серьезный католик скажет: нет, есть два источника авторитета. Есть писание, а есть традиция.

Итак, я действительно не могу подписать это доктринальное заявление, потому что вы придерживаетесь писания как единственного авторитета. Так что это, да. Так что это интересно.

Зависит от проблемы, я полагаю. Хорошо, давайте перейдем к номеру два, три подхода к мировым религиям. Просто расширьте это на минуту до мировых религий.

Это не курс по мировым религиям, но вам стоит об этом подумать, потому что в современном мире, когда речь заходит о теологии, мы говорим о мировых религиях. Итак, я просто упомяну три вещи. Номер один — это исключительность.

Некая идея исключительности, что только те люди, которые слышат и откликаются на Евангелие, будут спасены. Так что это был бы подход к мировым религиям, религиям вне христианства. Это один из подходов к мировым религиям, своего рода исключительность, что только те люди, которые слышат и откликаются на Евангелие, будут спасены.

Так что это не признает, что, возможно, дух Бога действует другими способами и так далее. Это номер два, инклюзивизм. Инклюзивизм, хотя христианство представляет собой нормативное, христианство представляет собой нормативное откровение Бога во Христе для спасения всех людей, инклюзивизм осознает и верит, что порой есть люди, которые не слышат Евангелия.

Они не слышат благую весть. И возможно, что если они поверят в Бога и будут жить согласно свету, который Бог дал им по своей выдающейся благодати, они придут к спасению. Но это больше похоже на инклюзивизм, но это своего рода осознание того, что, возможно, Бог действует через людей, которые никогда не слышали Евангелия.

Может быть, он, тем не менее, все еще действует каким-то образом через свой дух и через выдающуюся благодать. Так что это инклюзивизм. Это своего рода небольшой отход от эксклюзивизма, что только если вы услышали об Иисусе и рассказали в своих грехах, вы можете быть спасены.

Однако инклюзивизм признает, что не все слышали об Иисусе. Третий путь, таким образом, — это плюрализм. Третий путь — это плюрализм.

Теперь плюрализм говорит, что все религии равноценны. Плюрализм — это своего рода отказ от христианства, утверждение, что христианство прекрасно. Это дорога к Богу.

Это путь к Богу. Но все остальные религии также являются путями к Богу, и все они одинаково верны. Так что вам не следует пытаться выбрать одну религию вместо другой.

Вам не нужно этого делать, потому что каждая религия приведет вас к цели быть с Богом. Так что это интересно. Теперь, люди вроде Пауля Тиллиха.

Мы уже упоминали Пауля Тиллиха в курсе. Пауль Тиллих, как христианский теолог, пришел к выводу в конце своего богословия. Его вывод был в том, что все мировые религии равноценны.

Итак, он вообще не считал христианство уникальным. Итак, есть три способа подхода к мировым религиям: исключительный, инклюзивный и плюрализм. Есть один человек, мы, и позвольте мне просто увидеть.

У меня тут есть несколько имен, которые я просто хочу упомянуть. Ой, извините за это. Да, видите эту фамилию? Обратите внимание на это имя, Джон Кобб.

Он также написал книгу под названием «Христос в плюралистическую эпоху». Так что, в разделе «плюрализм», я собирался упомянуть ее в другом разделе, но это нормально. Давайте поместим ее в раздел «плюрализм», Джон Кобб, «Христос в плюралистическую эпоху».

На одном из моих курсов PhD у нас был семинар о том, кто такой Иисус, кто такой Христос и так далее. Нам пришлось прочитать книгу Джона Кобба. Тезис книги заключается в том, что дух Христа был в Иисусе, но не более, чем дух Христа был, может быть, в Ганди, или не более, чем он был в индуистских богах и богинях, или не более, чем дух Христа был в Конфуции, скажем, или в исламской религии, в Мухаммеде.

Может быть, мне не стоило использовать Ганди, потому что он был человеком. Но Конфуций, или Мухаммед, или боги и богини восточных религий. Так что теперь он христианский теолог, делающий это предложение.

Итак, это был нелегкий класс. Но в любом случае, я действительно спорил с этим, что дух Христа был в Иисусе, но не более, чем он был в других лидерах религиозных традиций. Но это, безусловно, позиция Кобба.

Итак, он назвал книгу «Христос в плюралистическую эпоху». В плюралистическую эпоху нужно позволить плюрализму диктовать, кто такой Христос. Так вот, я сам думаю о странной точке зрения и готов ее критиковать.

Но в любом случае, есть три подхода к мировым религиям, которые мы хотим принять к сведению. Хорошо, теперь я упомянул, что я на 15-й странице программы, если вы все на 15-й странице вместе со мной. И я всегда думаю, что хорошо исповедоваться в своих грехах, поэтому я исповедуюсь в своих.

На Е3 я пропустил Е3 и сразу попал на F. Так что я не хотел этого делать, но сделал. Так что мы вернемся к Е3, и это будет своего рода вывод, к которому мы придем. А затем у нас будет несколько заключительных замечаний, которые я хочу сделать.

Е3, а Е3 — это природа христианской теологии сегодня. Где мы находимся сегодня в христианской теологии? Что просачивается в христианскую теологию сегодня? Так имеет ли это смысл? Теперь я исповедал свои грехи, вы отпускаете мне мои грехи, что хорошо, и мы сейчас делаем Е3. Я просто не хочу вас запутать, но, похоже, я это сделал.

У меня есть некоторые заметки для этого. Для продолжения, для чего, природа христианской теологии сегодня? Ладно, давайте сделаем, ладно, давайте, ладно, ладно, посмотрим, где мы здесь. Теологические движения могут так сказать мне, что у вас есть.

Просто скажи мне, что у тебя есть. Ага. Ладно, ладно, ладно, я имел в виду Е2.

Просвещение как критика христианской теологии и т. д. Я имел в виду включить это в Е2. Я не имел в виду подвести это под Е3. Подвел ли я это под Е3, да? Ну, благослови мое сердце.

Ладно, ладно, теперь мне нужно покаяться в двух грехах. Во-первых, в грехе запутать вас. А теперь грех в том, что мы не дошли до третьего, до сущности христианской теологии сегодня.

Так почему бы вам не записать Е4, природу христианской теологии сегодня? Почему бы вам этого не сделать? Потому что здесь я говорю о новом консерватизме, я говорю о теологиях надежды; я говорю о теологиях освобождения и плюрализма и так далее. А мы этого не сделали.

Так почему бы вам не сделать это? Вы делаете это, Е4? Хорошо, почему бы вам не сделать Е4, который является своего рода теологическим движением или чем-то вроде этого? Благослови ваши сердца, и мы можем сделать это. Хорошо, хорошо, хорошо, Е4. Хорошо, номер один на Е4 — это то, что я называю. Сегодня вокруг новый консерватизм.

И это началось, в некотором смысле, в терминах более широкой культуры, в 1976 году. И Джим Рудин упомянул об этом в своей лекции недавно вечером. Это началось в 1976 году с выборов, он был провозглашен годом евангелистов, с выборов Джимми Картера президентом Соединенных Штатов.

Теперь, Тед и я помним, что когда Джимми Картер был номинирован на пост президента Соединенных Штатов и был избран в 76-м, когда он был номинирован, он называл себя евангелистом. И было действительно, в некотором смысле, смешно видеть, как некоторые из этих людей из СМИ чешут свои головы, говоря: евангелист, что такое евангелист? Ну, мы не знаем. Мы собираемся пойти и узнать, что такое евангелист. И, конечно, они получили это, но они обычно все портили.

Итак, они обычно не совсем правильно это делали. Но с тех пор появился новый консерватизм, безусловно, часть общей культуры. Итак, с точки зрения церкви, новый консерватизм был браком двух вещей, о которых мы говорили в прошлую пятницу.

Новый консерватизм был осознанием того, что проповедь евангелия и социальное служение были частью евангелия. Новый консерватизм, в некотором смысле, вернулся к Финнею как к своей модели, как к своему примеру в 19 веке и сказал, что мы были неправы, разделяя проповедь от социального служения, от вопросов социальной справедливости. Мы снова сводим их вместе.

Книга Дональда Дейтона «Открытие евангельского наследия» — это призыв к этому, не так ли? Помните, мы упоминали основной тезис. Ведь что говорит текст Матфея 22? Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всем разумом твоим и всей душой твоей, и возлюби ближнего твоего, как самого себя. И поэтому новый консерватизм на самом деле был движением, которое снова соединило эти две вещи, которые были разделены, в некотором смысле.

Итак, это одно теологическое движение, которое мы хотим упомянуть, новый консерватизм, ладно? Второе теологическое движение, и как я сказал, Е4, вы можете называть эти теологические движения или как-то так. Однако второе теологическое движение, которое было очень важно для меня в моем семинарском обучении, это труды Юргена Мольтмана и его книга «Теология надежды», «Теология надежды». Итак, были теологии надежды, но мы будем использовать книгу Мольтмана «Теология надежды» как наше главное свидетельство об этом.

Итак, теперь я хотел бы прочитать из вашего учебника, потому что в вашем учебнике есть пара замечательных предложений по этому поводу. Итак, я читаю из Протестантского христианства, страница 312. Так что, если вы хотите записать ссылку, Протестантское христианство, страница 312.

И позвольте мне прочитать это, а затем я просто быстро вернусь к этому. Но вот что сказал ваш автор. Эта теология надежды была, цитата, переосмыслением всей теологии с точки зрения эсхатологии, не как конца, а как надежды, как будущего Бога, и тем самым нашего будущего.

При таком подходе теология ориентируется не с точки зрения творения, которое должно быть восстановлено, а, в соответствии с некоторыми отцами церкви, на творение, которое, несмотря на падение, имеет будущее за пределами своего предполагаемого изначального райского характера. Таким образом, вся человеческая драма, прошедшая и настоящая, включена в неисполненное будущее, первые корни которого мы имеем. Горизонт теологии столь же широк, как и мировая история и ее будущее.

Протестантское христианство, стр. 312. Так что Юрген Мольтман действительно помог, в некотором смысле, перенаправить христианское богословие. И это действительно обнадеживающее дело для будущего.

Итак, другими словами, христианская теология сегодня в основном говорит не об искуплении Эдема, не обязательно о новом Эдеме, а о совершенно новом небе и новой земле. Так куда движется теология, и куда движется христианский народ? Они движутся к этому новому небу и этой новой земле, к этому исполненному царству. Так возникли теологии надежды, Юрген Мольтман был бы примером этого.

Хорошо, номер три, теологии освобождения. И я просто упомяну об этом вкратце, потому что мы упомянули все три из них в пятницу из-за вопросов, которые возникли. Но позвольте мне привести вам три примера теологий освобождения.

Номер один — Джеймс Коун. Он написал книгу под названием «Черная теология и черная сила». Итак, Джеймс Коун пытается интерпретировать теологию через призму освобождения черного сообщества.

Это также всплыло в лекции Джима Рудина. Боже, мне нужно было быть на этой лекции, но это также всплыло в лекции Джима Рудина. И некоторые из нас смогли поужинать с ним в четверг вечером, и мы много говорили об этом за ужином.

Однако для чернокожих людей Джеймс Коун делает этот вывод в своей книге. Для чернокожих людей исход — это великий опыт в Ветхом Завете, и он стал их опытом. Итак, исход из рабства к освобождению. Итак, тема исхода из Ветхого Завета, присвоенная чернокожими людьми в этом мире, действительно предоставила эту теологию надежды.

Ладно, мы все равно упомянули Джеймса Коуна в пятницу. Мы упомянули Гутьерреса в пятницу. Теология освобождения.

Итак, теология освобождения началась в Южной Америке, забота о бедных и так далее, теология освобождения. И затем мы также упомянули в пятницу, на самом деле, мы указали на Мэри Дейли и *Beyond God the Father*, что является феминистской теологией. Теперь позвольте мне объяснить феминистскую теологию на минуту, потому что мы говорили об этом в пятницу, но Мэри Дейли была радикальной феминистской теологией.

Когда она говорит в своей книге *Beyond God the Father*, она на самом деле говорит о библейском языке и о том, как мы можем приспособить библейский язык для женщин и мужчин. Но это было мягко по сравнению с тем, что она сказала после этого. Потому что в конце концов Мэри Дейли вышла далеко за рамки христианской ортодоксальности.

Итак, она увидела, что христианская церковь полностью должна быть уничтожена, и она вышла далеко за рамки христианской ортодоксии в своего рода новую эру, своего рода феминистскую теологию новой эры и религию новой эры. Я имею в виду, это было действительно немного странно. Мы упоминали и говорили о ее истории.

Ее уволили из Бостонского колледжа. В конце концов, она не получила постоянную должность и была уволена из Бостонского колледжа. Вот это и есть теологии освобождения.

Итак, их три, например, черная теология, теология освобождения и феминистская теология, хорошо? Позвольте мне упомянуть, что мы уже сказали, что следующая группа, которая у меня есть, это плюрализм и

отношение христианства к другим религиям, и это будет книга Джона Кобба. Так что мы уже говорили об этом, но, безусловно, в христианской теологии есть плюрализм. И то, что мы сказали о плюрализме в книге Джона Кобба, будет относиться к этому, к этому разделу, хорошо? И последний раздел, и затем я собираюсь высказать здесь некоторые критические замечания, но последний вид раздела с точки зрения движения в будущее — это евангелизм.

Евангелизму есть что сказать о будущем, и в этом нет никаких сомнений. Так что евангелизм, и для этого я упомянул, я упомянул? Нет, я упомянул книгу Аластера Макграта «Евангелизм и будущее христианства». Так вот, Аластер Макгат, очень интересное название, «Евангелизм и будущее христианства».

Потому что Аластер Макгат, как евангельский преподаватель в Оксфорде, Аластер Макгат видит в евангелизме великую надежду церкви и великую надежду на будущее церкви в плане того, чтобы схватить этот мир, в котором мы живем, и проповедовать Евангелие этому миру, в котором мы живем. Так что это будет следующая группа, которую я имею в плане того, куда движется теология сегодня. Хорошо, сказав все это, позвольте мне высказать некоторые критические замечания по поводу всех этих теологий.

Итак, и, может быть, в какой-то степени включая евангелическую теологию, но у нас есть новый консерватизм, теологии надежды, теологии освобождения, плюрализм, евангелизм, какие есть критические замечания? Хорошо, ну, я думаю, что моя первая критика заключается в том, что один из моих профессоров в Принстоне называл это клубом теологии месяца, клубом теологии месяца. И, возможно, он был отчасти прав, и, возможно, мы живем в эпоху клуба теологии месяца. Возможно, мы просто живем в эпоху, когда теология просто переходит от одной культурной вещи к другой культурной вещи.

И это то, что мы получаем, клуб теологии месяца, что означает, что мы не получаем хорошую устойчивую теологию от ранней церкви 21-го века. Так что я думаю, что это то, за чем мы должны следить, убедиться, что некоторая теология, о которой мы говорим, не является просто частью клуба теологии месяца, так что. Вторая вещь, которая, я думаю, важна в качестве критики, заключается в том, что многие теологии, о которых мы говорили, основаны на Библии.

Они начали с очень ясной библейской основы, библейской причины. У них действительно было хорошее библейское видение того, что они делали. Но многие из них отошли от этого видения.

И это было бы верно, в каком-то смысле, даже для Мольтмана, который начал отходить в своем богословии надежды. Он начал отходить от видения Библии как уникального откровения Бога. Так что это критика, которая у меня есть.

Я думаю, нам нужно быть осторожными с этим. Вам нужно начинать и заканчивать на библейской основе. Но многие из этих теологий могут начинаться на библейской основе, но затем отходить от нее, так что.

Хорошо, моя третья критика заключается в том, что многие из этих теологий также начинают с христологической основы. Поэтому многие из этих теологий начали действительно пытаться понять христологию и ясно понять ее как основу для теологии, но отошли от этого. Теперь, когда вы посмотрите на ранние труды и сравните их с более поздними трудами Джона Кобба, вы увидите, что именно это и произошло с Джоном Коббом.

В своих ранних работах он христологически обоснован. В своих более поздних работах дух Христа можно найти в Иисусе, но не больше, чем в Конфуции. Так что здесь есть скользкий склон, своего рода отход от христологической обоснованности.

Хорошо, моя следующая критика заключается в том, что некоторые из этих движений являются явно антихристианскими. И Мэри Дейли является прекрасным примером этого в том, как она оказалась в своей собственной жизни. Она не стала своего рода лояльным дискуссантом в христианстве, но ее теология стала полностью антихристианской.

Желание уничтожить церковь, на самом деле, и уйти из церкви, так что. Ладно, таковы некоторые критические замечания, которые у меня есть по этому поводу, но это то состояние, в котором мы находимся, состояние Клуба Теологии Месяца, и это то, где мы находимся. Ладно, это просто заключение курса, Лекция 14.

Я хочу сделать несколько заключительных замечаний. И прежде чем я это сделаю, есть ли что-нибудь о той теологии, о которой мы только что говорили? Я позабочусь о том, чтобы в следующий раз, когда буду вести этот курс, не пропустить этот раздел Е, как я сделал с вами, ребята. И чтобы не запутать вас, я позабочусь о том, чтобы не делать этого снова.

Итак, у вас есть вопросы по этому поводу? Хорошо, что я хотел бы, да, Алекс? Да, Клуб Теологии Месяца, мой профессор из Принстона. Это почти как Клуб Теологии Месяца, это почти как, есть культура. И чтобы идти в ногу с культурой, нам нужно провозгласить новую теологию.

Поэтому нам нужна феминистская теология, потому что культура становится своего рода феминистской. Нам нужна плюралистическая теология, потому что культура становится своего рода плюралистической. Поэтому нам нужна теология, которая будет говорить об этом плюрализме.

Так что опасность в том, что культура всегда будет движущейся целью. И если теология всегда будет пытаться преследовать эту цель, вы всегда будете изобретать новую теологию, чтобы соответствовать культуре. Так что вот в чем была его критика, да.

Если теология будет что-то значить, она действительно должна быть прочно укоренена в Библии, которая является вечным словом для всех времен и всех культур. Имеет ли это смысл? Это была его критика. Хорошо, заключение курса.

У меня есть несколько заключительных замечаний, которые я хотел бы сделать. И затем, для людей, которые присоединились к нам, мы сказали в последние десять минут или около того, если вы хотите участвовать в этом, я просто хочу узнать, какова была ваша собственная конфессиональная жизнь. Но вам не обязательно участвовать, и вы можете просто сказать, что я пас.

Итак, хорошо, я хочу сделать несколько заключительных замечаний. Во-первых, я хотел бы просто подбодрить вас, если вы собираетесь серьезно взглянуть на развитие теологии за пределами этого курса. Я думаю, что наш метод полезен для людей, идей и событий. Это три вопроса, которые вы всегда должны себе задавать, если вы собираетесь действительно изучать и изучать теологию.

Кто эти люди, каковы их идеи и какие великие события сформировали эти идеи? Это действительно важно. Так что, если вы интересуетесь теологией, я бы держал эти вещи в уме. Это номер один.

Во-вторых, я хочу просто упомянуть некоторых людей, о которых мы говорили в этом курсе; в целом, люди, о которых мы говорили в этом курсе, — это люди, которые имели большое пастырское, большое пастырское чувство. Это были люди, которые хотели заниматься теологией ради людей на скамьях. Они не хотели заниматься теологией просто как академическим упражнением.

Это не то, о чем говорили Кальвин, или Лютер, или Шлейермахер, или Барт, или Нибур. Это не то, о чем говорили они. Они говорили о пастырской теологии, Уэсли, я тоже думаю, конечно. Они говорили о пастырской теологии.

Теперь, мне жаль говорить, что сегодня это изменилось. Сегодня многие люди занимаются теологией просто как академическим упражнением. Для них это ничего не значит, и это ничего не значит для людей на церковной скамье.

И мы с Тедом только что были на собраниях Американской академии религии в Балтиморе, и вот где вы видите это, так очевидно. Многие люди сегодня занимаются теологией только как академическим упражнением. Им вообще не интересен человек на церковной скамье.

И это реальная опасность, я думаю. Так что это номер два, так что. Номер три, я хотел бы, чтобы вы всегда как бы. То, что мы пытаемся сделать в курсе, это дать вам грандиозный обзор от Реформации до настоящего времени.

Я имею в виду, было бы неплохо преподавать курс только по Реформации, или преподавать курс только по 18 веку, или преподавать курс только по 19 веку. Но мы хотели бы, чтобы вы получили большой размах теологии, и это то, что мы попытались сделать в курсе, и я думаю, что это важно. Номер четыре — центр теологии — Христос.

Вы всегда должны. Однако, вы развиваете свою собственную теологию, всегда должны развиваться христологически. Так что этот вопрос от Бонхёффера, кто Христос для нас сегодня? Это важный вопрос. Но если ваша теология, по мере того, как вы развиваете свою собственную теологию, если вы не продолжаете возвращаться к христологическому вопросу и к тому, кто такой Иисус, у вас есть опасность, что ваша теология отклонится.

Это было бы похоже на то, как если бы наша Земля отдалялась от Солнца, понимаете? Это было бы опасно, не так ли? Так что всегда интерпретируйте свою теологию христологически. Далее, еще две вещи, но предпоследняя вещь это. Теперь, я надеюсь, у вас есть некоторые методы из курса, с помощью которых вы можете сформулировать свою собственную теологию.

Итак, вам нужно продумать, какова ваша собственная теология. О чем она вообще? Но вот что я говорил в курсе несколько раз, по крайней мере, я думаю, что говорил, если нет, то должен был бы сказать. Но христианство — это очень личная религия, но это никогда не частная религия. Вы можете сформулировать свою собственную теологию только в контексте церкви, в сообществе верующих.

Вы не можете, это не вы и ваша Библия в одиночку формулируете свою теологию. Это вы и ваша Библия обдумываете вещи, но затем приносите то, что вы обдумали, в тело Христа, в церковь, в сообщество верующих. Вот что вы делаете.

Я надеюсь и молюсь, что вы сформулируете теологию, но в контексте сообщества. Это не сольное упражнение. Я сказал это; мы говорили это, когда говорили о Кальвине, но у людей неправильное представление о Кальвине.

Люди относятся к Кальвину так, будто он был одиноким рейнджером теологии и просто занимался своей собственной теологией. Это неправда. Кальвин встречался каждый вторник с реформированными пасторами, чтобы обсудить теологию, которую они будут проповедовать в воскресенье.

Но Кальвин хотел убедиться, что у него и других был общий взгляд на писания. Поэтому я призываю вас сделать это. И затем, наконец, в рамках моего последнего заключительного замечания, давайте вспомним из Кальвина, Барта или Шлейермахера, что теология должна переосмысливаться в каждом поколении.

Вы не можете просто наследовать прошлое и сказать: теперь у нас все ясно. Поэтому в каждом поколении теология должна быть переосмыслена и переосмыслена, и вам нужно переосмысливать себя в каждом поколении в отношении этой теологии. Поэтому важно это делать.

И мы благодарны людям, которые это сделали, как Кальвин или Шлейермахер или Раушенбуш или Барт или люди, о которых мы говорили. Мы благодарны им, потому что это то, что они сделали. Они пытались переосмыслить теологию для своего времени.

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия 27 по современным теологиям.